

Г. Г. Ефименко

ФОРМА И РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (1919–1938 гг.)

Замысел этой статьи возник в результате анализа основных положений книги Терри Мартина (в русскоязычном переводе: Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011). В российской историографии и содержание, и даже название этой, без сомнения, яркой работы было оценено едва ли не с восторгом. Так, например, Александр Воронович подчеркнул: «Основная идея и, собственно, новизна работы Мартина по сравнению с предшествующей историографией удачно подчеркнуты автором в самом названии книги»¹.

Книга Мартина освещает практику национальной политики в 1923–1939 гг. Экскурс к корням большевистских подходов к национальному вопросу ограничивается в ней теорией. Американский историк не обращает внимания на практику решения этого вопроса в 1919–1922 гг. в советской Украине, т. е. в республике, которая находится в центре внимания всей его книги. Но причины перехода и цели провозглашенной в 1923 г. политики коренизации невозможно понять без хотя бы краткого анализа предыдущего практического опыта. Речь, прежде всего, идет о вынужденном проблемами советской власти в Украине поверхностном устранении противоречия между лозунгами этого периода (право наций на самоопределение, развитие национальных культур) и истинной целью (максимальная централизация, слияние наций и языков), т. е. между формой и содержанием советской национальной политики. Устранение противо-

¹ Воронович А. Большевизм и национальный вопрос – от теории к практике. Терри Мартин. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011 // Отечественные записки. 2012. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/v42-pr.html#_ftn1

речия нашло свое выражение в гибкой формуле «национальной по форме, социалистической по содержанию» культуре. Возможно, именно отсутствие такого исторического экскурса привело к тому, что, как отметили Александр Рублев и Лариса Якубова, «практически каждый из подразделов монографии начинается с парадоксального вопроса, анализу которого, собственно, и посвящается. Фактически для Т. Мартина вся история национальной политики большевиков – один бесконечный парадокс, к сожалению, непреодолимый с помощью его исследовательской парадигмы»².

Национальную политику большевиков невозможно также понять и объяснить, если рассматривать ее изолированно от главной цели большевистского руководства – коммунистического строительства. Важной предпосылкой успешности такого строительства была ликвидация всех форм неподконтрольных Кремлю горизонтальных связей в обществе, самыми опасными проявлениями которых в Украине были кооперация, культурно-просветительское общество «Просвіта», «Всеукраїнська учительська спілка» (ВУС). Этого не учел Т. Мартин, для которого, по справедливому замечанию А. Рублева и Л. Якубовой, «история национальных отношений и национальной политики в СССР – это не единый динамический процесс, а ряд констант, жестко привязанных к законодательной базе»³. Национальную политику Кремля в Украине в 1919–1938 гг. следует рассматривать как неразрывный последовательный процесс, направление которого определялось видением будущего вождями коммунистической партии и было, в некоторой степени, формализовано программой РКП(б) 1919 г.

Коммунизм, в соответствии с пониманием большевистским руководством марксистского учения, заключался в ликвидации частной собственности. Неотвратимым практическим следствием коммунистического строительства должна была стать ликвидация любых проявлений рыночных отношений. Считалось, что при коммунизме уже не будет ни социального, ни национального неравенства, поскольку соответствующие различия исчезнут, а языки разных народов, в конце концов, сольются в единый мировой язык.

Путь к коммунизму виделся в стремительном волевом (административном) внедрении таких практически действенных в «капиталистической» экономике принципов, как стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация, которые, по определению Элвина Тоффлера, и составляли кодекс

² Рублев Александр, Якубова Лариса. Про «Імперію позитивної дії» Террі Мартина. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/dyskusiya/796-oleksandr-rublov-larysa-yakubovapro-imperiui-pozytyvnoi-dii-teri-martyna>

³ Там же.

«третьей волны»⁴. Для построения коммунизма эти принципы нужно было воплотить в сфере общественных отношений. Указанная логика строительства «светлого будущего», опиравшаяся на, казалось бы, передовые идеи западной мысли и проверенный практикой опыт экономического развития, привлекала многих молодых интеллектуалов. Коммунизм казался научным и объективно обусловленным путем развития общества ближайшего будущего, а насилие – едва ли не главным методом, ускоряющим этот прогрессивный процесс.

Учитывая радужные перспективы «мировой революции» (в программе РКП(б) от 1919 г. указывалось: «Началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции»⁵), с овладением весной 1919 г. Украиной большевики сразу же начали здесь «коммунистическое строительство». Создание крупных земельных хозяйств (совхозов), финансовые, промышленные и продовольственные реквизиции стали практической реализацией нового курса. Все это вызвало большое недовольство украинского социума. Катализатором массового антибольшевистского движения стала попытка воплотить коммунистические принципы в области межнациональных отношений.

На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Ленин выразил сомнение в существовании украинского языка как массового явления⁶. Несколько ранее, во время работы III Всеукраинского съезда советов (6–10 марта 1919 г.), глава правительства УССР Христиан Раковский заявил, что с национальными различиями уже покончено⁷. В августе 1919 г. он же откровенно подчеркнул настоятельную необходимость «поставить язык русский на первое место»⁸. Создатель конституции УССР 1919 г. Александр Хмельницкий на уже упомянутом III Всеукраинском съезде советов безапелляционно утверждал, что попытки каким-то образом законодательно закрепить тезис о необходимости содействовать развитию украинской культуры является «нездоровой национальной отрыжкой»⁹.

Подобные высказывания совпадали с идеей ликвидации национальных различий и слияния языков при коммунизме, к непосредственному строительству которого и приступили, как им самим казалось, большевики. Учитывая такие высказывания руководства УССР,

⁴ Тоффлер Елвін. Третя хвиля / з англ. перекл. А. Євса. Київ: Основи, 2000. С. 49–60.

⁵ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года: Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 390.

⁶ Там же. С. 105.

⁷ III Всеукраїнський з'їзд Рад: Стеног. звіт. Харків, 1932. С. 78.

⁸ Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 57. Оп. 2. Д. 368. Л. 143.

⁹ III Всеукраїнський з'їзд Рад. С. 212.

следует считать закономерными принятия разного рода советскими и коммунистическими органами власти на местах более двухсот решений о запрете украинского языка¹⁰. Основным мотивом принятия таких решений признавалась «буржуазность» этого языка.

В 1919 г. практика решения национального вопроса соответствовала теории и задачам коммунистического строительства. Но такое отношение к украинскому языку и культуре укрепило единство национального и социального в мощном антибольшевистском движении. Как был вынужден признать Раковский в написанных в ноябре 1919 г. «тезисах по украинскому вопросу», «под знаком лозунга “самостийной украинской державы” прошла вся борьба против нас на Украине»¹¹. Падение советской власти в 1919 г. не убедило большевистских руководителей в невозможности воплощения экономических основ коммунизма в жизнь. Однако указанное выше единство национального и социального было признано крайне опасным. Это заставило ЦК РКП(б) уже в конце 1919 г. изменить тактику в «украинском вопросе».

Руководство РКП(б) специальным решением пленума ЦК, а затем и Всероссийской конференции РКП(б) в ноябре–декабре 1919 г. признало существование украинского языка и его равноправие с русским как свершившийся факт. В газетах появился ряд статей с объяснением и ныне актуальных для России тезисов о том, что на самом деле украинский язык вовсе не «выдумка Грушевского», что это язык не «Петлюры», а всего украинского народа и украинский народ имеет полное право пользоваться им. Однако большевистскими руководителями, в том числе и Лениным, такое признание рассматривалось как уступка, т. е. вынужденное, а потому нежелательное и временное решение¹².

Уступка значительно уменьшила остроту борьбы. Но этого оказалось недостаточно для надежного разъединения национального и социального в условиях продолжающегося в 1920 г. коммунистического штурма в экономической сфере и сложной внешнеполитической обстановки. Поэтому в заключенном 28 декабря 1920 г. «Союзном рабоче-крестьянском договоре между РСФСР и УССР» Кремль, отказавшись наконец-то от отчетливого в 1920 г. намерения включить республику в состав РСФСР, впервые после провозглашения на

¹⁰ Скрипник М. О. Донбас і Україна // Скрипник М. Статті і промови з національного питання / упоряд. І. Кошелівець. Б. м., 1974. С. 17.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11782. Л. 14.

¹² Подробнее см.: Єфіменко Г. Мовне питання в політиці більшовиків в Україні в роки першого комуністичного штурму (1919–1920 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжв. зб. наук. пр. Вип. 21. К., 2012. С. 166–187. URL: http://www.history.org.ua/index.php?article=pro_2012_21_166

II Всеукраинском съезде советов в марте 1918 г. независимости советской Украины формально признал «независимость и суверенность» УССР¹³.

С введением нэпа внимание к национальному вопросу несколько ослабло. Были надежды, что его острота сама собой уменьшится в связи с уступками в социально-экономической сфере. Однако эти надежды не оправдались, угроза нового объединения национального и социального, или, выражаясь тогдашним новоязом, «второй петлюровщины», не исчезла. Л. Троцкий на VII Всеукраинской партконференции (4–10 апреля 1923 г.), которая состоялась накануне XII съезда РКП(б), подчеркивал: «Если мы не сумеем подойти к крестьянству, изучить крестьянина, его психологию, его язык, мы можем его толкнуть на вторую петлюровщину, а вторая петлюровщина была бы более органичной, глубокой и опасной. Эта вторая петлюровщина была бы вооружена культурным планом – в школе, в кооперативе, во всех областях быта, и украинский крестьянин каждое недовольство умножал бы на национальный фактор, и это было бы опаснее петлюровского бандитизма»¹⁴. Добавим, что модернизационные задачи, которые ставили перед собой большевистские вожди, также нуждались как в поддержке украинского общества, так и в определенном уровне образованности, грамотности народных масс, повысить который было значительно проще и эффективнее на родном языке. Учитывая указанную опасность и модернизационные потребности, в 1923 г. Кремль решил на введение политики коренизации.

В резолюции XII съезда РКП(б) «борьба с пережитками великорусского шовинизма» была названа «первой очередной задачей» РКП(б). Однако главная опасность «великорусского шовинизма», как достаточно откровенно подчеркивалось в этом же документе, заключалась именно в том, что он «питает и выращивает» местный (т. е. в Украине – украинский) национализм, «затрудняя борьбу с ним»¹⁵. Компартийная номенклатура в основной своей массе продолжала считать усиленное внимание к национальному вопросу уступкой, отказываясь от которой при более благоприятных обстоятельствах следовало бы сразу, едва ли не в течение суток (как это было сделано с украинизацией в РСФСР в декабре 1932 г.), поскольку она (эта уступка) по сути своей антагонистична коммунизму. Ведь, как отмечал в 1923 г. второй секретарь ЦК КП(б)У Дмитрий Лебедь, «пере-

¹³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. Ст. 13.

¹⁴ Троцкий Л. Задачи XII съезда РКП. М.: Красная новь, 1923. С. 39.

¹⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 1922–1925. 9-е изд. С. 83, 87.

городки между двумя культурами – это хорошая и возможная вещь для Запада, а мы уже давно отошли от этого. Мы находимся в другой исторической стадии развития... Там еще зарождаются нации, а у нас идет зарождение новой экономики»¹⁶. Иначе говоря, нации (конечно, «чужие», т. е. «нерусские») рассматривались как признак капитализма, а не социализма/коммунизма.

Вскоре после введения политики коренизации в УССР именно на преодоление «украинского национализма», т. е. «неосновной» опасности в национальном вопросе, были направлены инициированные компартийным руководством идеологические кампании против так называемых национальных «уклонов» – «хвылевизма», «шумскизма» и «волобуевщины» (1925–1928 гг.). Дальше – больше. С началом коллективизации были проведены громкие процессы против представителей «украинского национализма» – дело «Союза освобождения Украины» (1930 г.), «Украинского национального центра» (1931 г.), ликвидирована Украинская автокефальная православная церковь (1930 г.). Попытка наркома просвещения УССР Николая Скрыпника осудить «лебедивщину», т. е. инициировать в УССР идеологическую кампанию против «великодержавного шовинизма», натолкнулась на жесткое противодействие Кремля. Лазарь Каганович обосновал это так: «Совершенно невозможно проводить аналогию между позициями Лебеда и Хвылевого, так как позиция Лебеда ни в коем случае не означала поддержки контрреволюции»¹⁷. Таким образом, признавалось, что «контрреволюционным», т. е. враждебным советской власти как таковой, может быть только «местный» национализм. Такой подход был закономерным, ведь главной задачей политики коренизации была советизация общества и облегчение выполнения заданий модернизации, а не национальное возрождение или сама по себе культурная революция. Тем более что конечная цель в национальном вопросе оставалась неизменной – «слияние» наций и языков. Понятно, что ни одного судебного процесса, в котором бы подсудимым инкриминировался «великодержавный» или «велико-русский» шовинизм в Украине проведено не было.

К началу второго коммунистического штурма (1929–1932 гг.) компартийное руководство подходило с весомыми успехами политики коренизации. Задание не допустить единения национального и социального сопротивления определяло его действия в Украине и в дальнейшем. Для успокоения, с одной стороны, тех, кто считал коренизацию действительно нужной, а с другой – «правоверных» коммунистов, считающих национальное строительство излишним в

¹⁶ Бюллетень VII Всеукраинской Конференции Коммунистической Партии (большевиков) Украины. 4–10 апреля 1923 г. Харьков, 1923. С. 292.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 74.

коммунистическом обществе, Сталин накануне нового коммунистического штурма выдвинул теорию о трех этапах «слияния наций» при социализме: сначала «усиленное развитие» ранее угнетенных наций и языков, затем их «сближение» и, наконец, «слияние». Это дало Кремлю теоретические основания для продолжения коренизации во время коммунистических преобразований 1929–1932 гг.

Нужно отметить такой показательный факт: толчком для создания этой теории послужило полученное Сталиным в августе 1928 г. из Харькова письмо Е. Тарана (Ильи Дубровина) – прибывшего из РСФСР партийного работника, в то время – инструктора ЦК ЛКСМУ. Помимо прочего, он высказывал характерное для многих коммунистов утверждение о том, что «национальные различия, в данном случае различие языков, становятся уже сейчас помехой социалистического строительства»¹⁸. В то время отрицание необходимости «слияния» языков и наций, как, впрочем, и провозглашение отмены политики коренизации, могло повредить осуществлению планов коммунистического строительства, поэтому и был выдвинут тезис о трех этапах на пути к такому «слиянию».

Вследствие таких действий в 1929–1932 гг. лингвистическая, культурно-образовательная и кадровая украинизации не только не были прекращены или заторможены, но и усилились. Именно по состоянию на 1932 г. процент этнических украинцев среди руководителей низового звена компартийно-советского аппарата достиг апогея. Украинизация образования имела самые высокие за весь межвоенный период показатели.

Практика хлебозаготовок и коллективизации 1929–1932 гг. продемонстрировала, что, несмотря на украинизацию, в украинском обществе усилились центробежные настроения, которые проявлялись, прежде всего, в идее восстановления Украинской Народной Республики (УНР). Опять возникла опасность объединения национального и социального в антибольшевистском движении. Политика украинизации помогала упредить ее лишь частично. Даже тщательный контроль (постоянный мониторинг настроений украинской интеллигенции, запрет любых проявлений самоорганизации общества) и превентивные репрессии против тех, кто гипотетически мог идейно или организационно возглавить такое движение (дела СВУ, УНЦ, ликвидация автокефальной церкви и т. д.), не давали желаемых результатов. Временное торможение коллективизации весной 1930 г. ослабило рост антисоветских настроений. Но отступать от коммунистического строительства Сталин еще не собирался. С продолжением коммунистического штурма недовольство Кремлем ширилось уже не

¹⁸ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 803. Л. 10.

только среди крестьянства, но и среди представителей компартийно-советского аппарата. Осознание этих обстоятельств и обусловило появление ныне хорошо известного (датированного августом 1932 г.) высказывания Сталина о том, что «Украину мы можем потерять». Допустить повторения ситуации 1919 г. Сталин не мог. Его ответом стал террор голодом.

Конструирование голодомора было направлено на сохранение власти Сталина в условиях острого кризиса в СССР. Датированные 1933 – началом 1934 г. репрессии против проукраински настроенных коммунистов и теперь уже и формальное (по личному указанию генсека ВКП(б)) признание пленумом ЦК КП(б)У «украинского национализма» главной опасностью в национальном вопросе¹⁹ четко продемонстрировали, в ком и в чем Сталин видел опасность для себя в Украине. Отказ от намерения в сжатые сроки закончить коммунистическое строительство, который ознаменовался решением ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. о возвращении к фиксированному налогу в сельском хозяйстве, в Украине сопровождался мощной агитационно-пропагандистской кампанией, в ходе которой во всех бедах украинского села были обвинены «украинские националисты». Это должно было сделать невозможным объединение национально-го и социального в антисоветских настроениях и свести к минимуму возможность такого единения в будущем. Окончание коммунистического строительства переносилось на неопределенное будущее. Среди причин такого переноса снова, как и в 1919–1920 гг., положение дел в Украине сыграло ключевую роль.

Несмотря на вышесказанное, говорить о сворачивании политики украинизации в УССР, даже в ее лингвистической части (кадровая не прекращалась и в дальнейшем), было бы преждевременно. В 1935–1936 гг. в Украине был принят целый ряд различного рода постановлений об украинизации, проводились проверки состояния украинизации в Днепропетровской, Донецкой и Харьковской областях, в новой Конституции СССР осталось право республик на выход из Советского Союза и т. д. Заигрывание с национальными чувствами продолжалось вплоть до лета 1937 г. Его окончание ознаменовалось репрессиями по отношению к последним из оставшихся в высших эшелонах власти УССР бывшим боротьбистам – арестом Андрея Хвыли и самоубийством главы СНК УССР Панаса Любченко. В конце 1937 – начале 1938 г. в Украине была сделана попытка стремительной русификации, от которой, однако, уже в 1939 г. отказались.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 98. Л. 12. Подробный анализ этого вопроса см.: Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. К.: Ніка-Центр, 2012. С. 219–234. URL: <http://histans.com/LiberUA/978-966-521-617-9/978-966-521-617-9.pdf>